

Памяти Тургенева

Кони А. Ф. Воспоминания о писателях.

Сост., вступ. ст. и комм. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова

Москва, издательство "Правда", 1989.

Когда, по случаю исполнившегося 25-летия со дня смерти и 90-летия со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева, Академия Наук возложила на меня обязанность сказать слово в память покойного писателя, я был в немалом затруднении. Что можно сказать нового о художнике слова, который был не только глубоким выразителем дум, чувств и надежд русского человека, но и обаятельным изобразителем его быта, его душевных свойств и той серой, но милой сердцу природы, среди которой ему приходится жить?! Не все ли по этому поводу уже сказано в отдельных очерках, целых лекциях, курсах и критических статьях? И можно ли вообще что-либо прибавить к оценке, сделанной на одре болезни знаменитым Тэнном, который, ввиду уже близкой смерти, находил наслаждение в слушании повестей Тургенева и определял его как художника, наиболее совершенного между теми, кто писал после греков,-- с которым никто не может сравниться в строгом выборе материала, в правильности и скульптурной красоте форм, причем каждая из его маленьких повестей напоминает безупречную античную камею? Можно бы, пожалуй, разработать вопросы об отношении Тургенева к нашей текущей жизни и о том, в чем состоят и чем являются для нас его нравственные заветы. Но эта задача выпала на долю моего товарища по Академии Н. А. Котляревского, и мы только что слышали, как тонко и вдумчиво он ее осуществил. Одно обстоятельство выводит меня, однако, из затруднения. Перелистывая письма Тургенева к Некрасову, я нахожу между ними, в относящихся к первой половине пятидесятых годов, письмо с вопросом Тургенева редактору "Современника" о том, кто такой автор "Детства и отрочества" и что за человек тот Л. Н. Т., к которому следует отнестись с особенным вниманием, потому что это -- "талант надежный". А в 1847 году Гоголь пишет Анненкову: "Изобразите мне портрет Тургенева, чтобы я получил о нем понятие, как о человеке; как писателя, я уже отчасти его знаю: сколько могу судить по тому, что прочел, талант в нем замечательный и обещает большую деятельность в будущем". Вот -- и выход из моего раздумья. Можно попробовать установить представление о Тургеневе, как о личности, заглянуть в его душевный мир и в его отражение на окружающей общественной среде, т. е. взглянуть на Тургенева как на человека в частной жизни и в работе на пользу родине.

Для этого в нашем распоряжении довольно много материала: прежде всего автобиографические данные, содержащиеся в сочинениях Тургенева,-- затем различные воспоминания о нем,-- его письма, болтливые рассказы *друзей* и отзывы *врагов*. Последних у Тургенева было немало, что и понятно относительно человека с таким дарованием, которое не могло не возбуждать зависти и злоречия. Притом -- как сказал князю Вяземскому Киселев -- "человек ведь не червонец, чтобы его *все любили*". Еще Пушкин верно заметил, что "ум, любя простор,-- теснит" -- и "пылких душ неосторожность самолюбивую ничтожность иль оскорбляет, иль смешит". Это действие ума и пылкой души простирается иногда не на одну ничтожность, так как узкое и мелкое самолюбие, к несчастию, бывает свойственно и очень крупным людям. Мягкий и доверчивый по характеру и образу действий, Тургенев, однако, не поступался своими искренними убеждениями и серьезно выработанными взглядами и не склонял свою выю без критики перед теми, кто претендовал на общее признание. Он не был никогда "жрецом минутного, поклонником успеха". Недаром его очень часто изображают в воспоминаниях -- оживленно спорящим, и нередко в ироническом тоне. Логические и нравственные уродливости в людях, встречаемых им на жизненном пути, воспринятые его впечатлительным умом, выливались у него в форму насмешливых прозвищ, эпиграмм и крылатых словечек, которые затем с поспешным злорадством разносились разными дружественными вестовщиками по адресу. В этом отношении Тургенев мог сказать про себя словами русской поговорки: "Язык мой -- враг мой" -- и не в том смысле, как это говорил про себя один чиновник, блестящая карьера которого была испорчена вследствие опалы, постигшей его принцепала. "Уста мои -- враги мои!" -- восклицал он в горести, а на недоумевающий вопрос вразумительно отвечал: "Тридцать лет *не ту* руку лобызали. От мстительной оценки и необоснованных укоров со стороны врагов теперь почти ничего и не осталось, кроме воспоминаний об упорной подозрительности Гончарова, развившейся на почве болезненного настроения, и нескольких страниц в "Бесах" Достоевского, имеющих вид злобного памфлета, не делающего чести его великому автору.

Но зато *друзья* вполне осуществляли по отношению к Тургеневу испанскую поговорку: "Избави меня бог от друзей, а с врагами я сам справлюсь". Ему мало приходилось от них слышать слов одобрения